

М.Ю. Левидов

**Путешествие в некоторые
отдаленные страны мысли и
чувства Джонатана Свифта**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
М11

М.Ю. Левидов
М11 Путешествие в некоторые отдаленные страны мысли и чувства Джонатана Свифта / М.Ю. Левидов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 308 с.

ISBN 978-5-4241-2236-1

Всем знакомы с детства «Путешествия Гулливера». И гораздо меньше знаком нам их автор – Джонатан Свифт, человек, публицист, политик, один из величайших умов своего времени. В книге Мих. Левидова он предстает перед нами со всеми своими надеждами и разочарованиями, окруженный сложными интригами, борьбой честолюбий и противоречий. Глубоко воссоздана в книге эпоха с ее спорами и страстями. Книга М. Левидова впервые вышла в 1939 году, была высоко оценена читателями и специалистами.

ISBN 978-5-4241-2236-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© М.Ю. Левидов, 2021

Михаил Юльевич Левидов
Путешествие в некоторые
отдаленные страны мысли и
чувства Джонатана Свифта,
сначала исследователя, а потом
воина в нескольких сражениях

Предисловие

Джонатан Свифт и его биограф

В самом деле, если мы разберем, что обычно понимается под счастьем как в отношении ума, так и в отношении чувств, то найдем, что все его свойства и признаки можно охватить следующим коротеньким определением: быть счастливым значит вечно находиться в состоянии человека, ловко окопаченного.

Свифт. «Сказка бочки», разд. IX

Читатель будет, пожалуй, удивлен, каким образом я мог решиться изобразить наше племя в столь неприкрытом виде <...> должен чистосердечно признаться, что <...> я воспитал в себе глубокую ненависть ко всякой лжи и притворству, и истина стала для меня столь любезной, что ради нее я решил пожертвовать всем.

Свифт. «Путешествия Гулливера», ч. IV, гл. VIII

Книга, которая предлагается вниманию читателей, вышла в свет в 1939 году. Четверть века спустя, в 1964 году, она была напечатана вторично, и вот, еще почти через четверть века, перед нами ее третье издание.

На фоне стремительно развивающихся естественных наук гуманитарные знания выглядят порой консервативными. Это впечатление, однако, обманчиво. Накапливаются новые данные, рождаются новые концепции, а главное, движущееся время побуждает нас ставить перед нашим прошлым все новые вопросы. Меняемся мы сами, меняются и наши представления об истории. Что же побуждает в таком случае переиздавать книгу полувековой давности, многое в которой принадлежит эпохе ее создания, а кое-что не могло не устареть? Ответить на такой вопрос можно одним словом — эта книга талантлива.

«Михаил Юльевич Левилов родился в 1891 году и был коренным москвичом, но молодость провел в провинции, сначала в Баку, где он окончил гимназию в 1907 году, а потом в Харькове, где получил высшее образование на юридическом факультете (1911). Юриспруденция быстро перестала его увлекать. Он обратился к литературе, и год начала первой мировой войны был годом его литературного дебюта.

Направление его литературной работы в предреволюционные годы определилось сразу. Молодой Мих. Левилов не был заражен ни шовинизмом, ни декадентством. Не случайно стал он печататься в горьковской «Летописи», единственном легальном органе оппозиции мракобесию в годы первой мировой войны.

С первых дней Великой Октябрьской социалистической революции Мих. Левилов стал работать в советской печати. Во время гражданской войны и интервенции, в 1918–1920 годах, Левилов заведовал иностранным отделом РОСТА

и отделом печати Народного комиссариата по иностранным делам. В качестве корреспондента советской печати он много раз выезжал за границу, был в Лондоне, Гааге, Берлине. Левидов выступал как политический фельетонист в газетах «Правда», «Труд», «Рабочая газета», «Ленинградская правда», печатал статьи по вопросам культуры, литературы и театра в журналах, преподавал литературу в первом институте журналистики.

Еще до революции Мих. Левидов написал несколько рассказов. В конце 20-х годов его опять потянуло на «художественное». Он пробует свои силы в драматургии, пишет сценарии, но журналистская «текучка» не дает ему сосредоточиться на работе над художественными произведениями, пока в середине 1930-х годов он не принимается за книгу о Свифте. Летом 1939 года книга была издана «Советским писателем» — так излагает биографию М. Ю. Левидова в предисловии к изданию 1964 года А. А. Аникст. Выделим в этих скупых сведениях одно немаловажное обстоятельство. В литературу Левидов пришел через публицистику. Таким же, по существу, был путь и героя его главной книги.

Не боясь преувеличений, можно, думается, сказать, что Свифт стал первым великим политическим писателем в истории европейской цивилизации. Речь идет не о том, что ему довелось попробовать свои силы, впрочем, без особого успеха, на ниве государственной деятельности — здесь у него было немало предшественников от царя Давида до Мильтона — и не о том, что его произведения обильно уснащены злободневными намеками — задолго до Свифта Данте населил ад своими противниками, а еще раньше Аристофан издевался над приверженцами военной партии во «Всадниках» и «Лисистрате». Важно другое. Самые глубокие сферы художественной и философской мысли Свифта были напрямую связаны с современной проблематикой. И в «Божественной комедии» и в пьесах Аристофана нетрудно выделить мощнейшие смысловые пласты, не имеющие отношения к политическим взглядам писателя. В «Путешествиях Гулливера» сделать это совершенно невозможно. Именно здесь, как верно почувствовал Левидов, узел, в который стягиваются многочисленные парадоксы Свифта, и именно отсюда этот узел надо распутывать.

Начнем с самого трудного.

На протяжении всей своей жизни Свифт многократно и настойчиво выступал против попыток отменить так называемый «Тест-акт», законоположение, по которому тот, кто претендовал на ту или иную государственную должность, должен был засвидетельствовать свою приверженность господствующей англиканской церкви. Если называть вещи своими именами, великий писатель выступал против принципов веротерпимости и свободы совести, за которые не одно столетие боролась литература. Разумеется, такую позицию необходимо объяснить.

Объяснений, впрочем, давалось немало. Говорилось, что Свифт должен был отстаивать интересы англиканской церкви, служителем которой он был, что борьба против «Тест-акта» была пропагандистским маневром партии вигов, заинтересованных в голосах богатых диссентеров — сторонников многочисленных протестантских сект, наконец, что Свифт опасался узколобого фанатизма диссентеров. Все это верно. И все же подлинные причины неожиданного, на взгляд современного человека, поведения писателя лежат глубже.

Как хорошо известно, Свифт полагал, что оптимальное государственное

устройство обеспечивается равновесием между монархом, аристократией и народом, или, в британской политической терминологии XVIII века, королем, палатой лордов и палатой общин. Умаление роли любой из сторон треугольника чревато, по мнению Свифта, столкновением между двумя другими, которое, в свою очередь, приводит к тирании. Нас не интересуют сейчас ни глубина этой схемы, ни ее оригинальность. Важнее взглянуть в ее психологические и исторические предпосылки. Очевидно, что требование, чтобы различные политические силы служили друг для друга противовесом, основано на недоверии к каждой из этих сил, недоверии, порожденном вполне конкретным социальным опытом.

Мы нередко определяем Свифта как духовного сына героического семнадцатого века, вынужденного жить в прагматическом восемнадцатом. Небесполезно, однако, помнить, какой представлялась Свифту недавняя история Англии: «Мой краткий исторический очерк нашей страны за последнее столетие поверг короля в крайнее недоумение. Он объявил, что, по его мнению, эта история есть не что иное, как куча заговоров, смут, убийств, избиений, революций и высылки, являющихся худшим результатом жадности, партийности, лицемерия, вероломства, жестокости, бешенства, безумия, ненависти, зависти, сластолюбия, злобы и честолюбия!» – резюмировал Гулливер свою беседу с королем Бробдингнега, выражающим в романе взгляды писателя.¹

Коренной дублинец, Свифт хорошо знал, как незадолго до его рождения кромвелевские солдаты, выступавшие под знаменем религиозной свободы, залили кровью католическую Ирландию. Он помнил, как революция, казнившая короля, установила единоличную диктатуру лорда-протектора, которая в свою очередь сменилась террором времен реставрации Стюартов. Он видел ирландское восстание, сопровождавшееся истреблением выходцев из Англии, и подавление этого восстания, на долгие столетия опустошившее страну. На его глазах самые благородные лозунги оборачивались своей противоположностью, и Свифт не верил красивым словам и боялся их. У него было поистине безошибочное чутье на любые формы социальной демагогии: «У лилипутов существует обычай <...> если суд приговаривает кого-либо к жестокому наказанию, то император произносит в заседании государственного совета речь, изображающую его великое милосердие и доброту <...>. Речь немедленно оглашается по всей империи, и ничто так не устрашает народ, как эти панегирики императорскому милосердию; ибо установлено, что чем они пространнее и влечетивее, тем бесчеловечнее было наказание и невиннее жертва».

Особенно ненавистна Свифту была милитаристская демагогия. Ее разоблачению был посвящен один из центральных эпизодов его публицистической деятельности – кампания в печати в поддержку мира с Францией, переговоры о котором вело правительство тори. Заметим, что задача Свифта была далеко не простой. Британской армии во главе с герцогом Мальборо противостояла мрачная деспотия Людовика XIV, и в глазах многих соотечественников Свифта военные действия англичан, кстати, довольно успешные, выглядели битвой за свободу целого континента. Через полвека в романе «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» Л. Стерн заставит своего героя, добрейшего, чудаковатого и простодушного дядюшку Тоби сетовать, что заключение мира лишило Англию да и всю Европу плодов блистательных побед британского оружия. Свифт, однако,

был менее всего похож на дядюшку Тоби. За высокопарной риторикой он угадывал циничный расчет:

«Если мы сейчас откажемся от Испании, то возникает вопрос, за что же мы сражались все это время? Ответ ясен. Мы сражались, чтобы принести общественные интересы в жертву частным лицам. Мы сражались ради богатства и великолепия одного семейства (речь идет о герцоге Мальборо и лорде-канцлере Годолфине, связанных родственными отношениями. – *А.З.*), ради доходов ростовщиков и биржевых спекулянтов, ради того, чтобы в угоду гибельным замыслам небольшой группки людей разрушить наше земледелие. Нация начинает думать, что эти благодеяния не стоят того, чтобы продолжать за них сражаться, и она требует мира».

Устойчивое отвращение Свифта к изощренной жестокости, бессмысленному кровопролитию, лжи и фальши – неизбежным спутникам войн, умножалось на конкретную оценку положения дел в стране. Война обогащала и усиливала рвущихся к власти буржуа-диссентеров и разоряла крупных и мелких землевладельцев, ожесточая их и побуждая к поддержке изгнанных Стюартов. С каждым днем она усиливала взаимное озлобление, обостряла политические, социальные и религиозные распри, подтачивала самые основы хрупкого еще порядка, угрожая вновь свергнуть страну в пучину раздоров и анархии, за которыми, по Свифту, с неизбежностью следует деспотизм.

Мы можем теперь отчетливее понять позицию писателя в вопросе о «Тест-акте». Немаловажно, что условия этого законоположения, по существу, не требовали от кандидата на государственную должность перемены убеждений. Свою приверженность англиканской церкви испытываемый должен был подтвердить чисто формально. Очевидно, что религиозный индифферентизм, граничащий с беспринципностью, был для Свифта меньшим злом, чем одержимость. В одном из своих памфлетов он задавался вопросом, захотели ли бы диссентеры, будь их религия национальной, предоставить иноверцам право не то что занимать государственные должности, но хотя бы просто исповедовать собственную веру. С точки зрения писателя, представители религиозных меньшинств должны были пользоваться свободами, предоставленными им законом о веротерпимости, и не претендовать на большее. «Если требование перемены убеждений является правительственной тиранией, – говорит Гулливеру король Бробдингега, – то дозволение открыто исповедовать мнения пагубные служит выражением слабости». Обе эти крайности казались Свифту одинаково опасными, ибо нарушали равновесие, а, по его мнению, лишь оно одно могло уберечь Англию от самого худшего.

Однако, как бы сильно Свифт ни боялся нового взрыва насилия и фанатизма, как он ни дорожил социальной устойчивостью, он не делался от этого ни на йоту благосклонней к существующим порядкам. Он готов был предпочесть грязную современность кровавому прошлому, но не мог и не хотел стать снисходительней к грязи. Отсюда беспощадность и безысходность его сатиры.

Вершина творчества Свифта – «Путешествие Гулливера», вершина «Путешествия...» – четвертая часть, пребывание героя среди гуигнгнмов и еху. Интересно, что по времени написания и по первоначальному замыслу эта часть предшествовала путешествию в Лапуту. Однако затем Свифт поменял третью и четвертую части местами. После увиденного Гулливером в стране лошадей никакие

поездки для него больше невозможны. Здесь вершина и итог пути, и здесь же оселок, на котором проверяется любой почитатель Свифта. «Ужасной, постыдной, трусливой и кошунственной» назвал мораль «Путешествия в страну гуингнмов» Теккерей, который сам был суровым сатириком. И в этой оценке он далеко не одинок.

В нашем веке родилась новая точка зрения, принятая и советскими свифтоведами. Ее сторонники утверждают, что мизантропия Гулливера не отражает позиции Свифта. Писатель иронизирует над своим героем, спутавшим еху с человеком и принявшим гуингнмов за образец совершенства. Эта утешительная гипотеза существует уже около семи десятилетий, однако за все это время ее защитникам, среди которых были эрудированные и одаренные исследователи, так и не удалось найти сколько-нибудь убедительных аргументов. В самом деле, мир гуингнмов холоден и бесплотен, в нем нет места ни любви, ни даже родительской привязанности. Однако, чтобы делать из этого выводы о замысле писателя, необходимо иметь свидетельства того, что Свифт считал все эти чувства ценными и необходимыми. Увы, таких свидетельств у нас нет, зато противоположных в избытке.

Свифт вообще с недоверием относился к эмоциональной сфере человеческой жизни. Молодому священнику, «имеющему несчастье думать», что он обладает способностью возбуждать в прихожанах эмоции, писатель советовал пользоваться этой способностью «как можно реже и с предельной осторожностью». Он с сочувствием вспоминал некоего «великого человека», который на вопрос, не был ли он тронут проповедью, ответил: «Было, о чем я глубоко сожалел, ибо проповедник мой друг». В любом проявлении чувств Свифт видел фальшь или слепоту, и внутрисемейные отношения не составляли для него исключения. «Надеюсь, что вы не мечтаете больше о восторгах и упоениях, которые всегда заканчивались и всегда будут заканчиваться со свадьбой, – наставлял Свифт молодую леди, вышедшую замуж, – кроме того, ваша пара основана на благоразумии и взаимном доброжелательстве без малейшей примеси нелепой страсти, существующей только в пьесах и романах».

Описывая «исконные установления» Лилипутии, «не имеющие ничего общего с современной испорченностью нравов», Свифт с сочувствием излагал мысль о том, что «воспитание детей менее всего может быть доверено их родителям». В одном из частных писем писатель с нескрываемым раздражением сообщал своим корреспондентам, что фаворитка королевы вместо того, чтобы посвящать себя государственным делам, проводит время у постели умирающего сына. Несомненно, предельно рационализированный образ жизни гуингнмов, изгнавших любые проявления неконтролируемой эмоциональности, был глубоко привлекателен для автора «Путешествий Гулливера».

Возникает вопрос, почему же в таком случае Свифт населил свою утопию лошадьми, почему, описывая их быт и поведение «огуингнмившегося» Гулливера, он прибегает к деталям, которые невозможно не воспринимать иронически? Ответ можно найти в третьей части «Путешествий...». В Лагадо Гулливер посещает школу политических прожектеров, где застаёт «людей, совершенно рехнувшихся». «Эти несчастные, – продолжал Свифт, – предлагали способы убедить монархов выбирать себе фаворитов из людей умных, способных и добродетельных; научить министров считаться с общественным благом, награждать людей

достойных, одаренных, оказавших обществу выдающиеся услуги; учить монархов познанию их истинных интересов, которые основаны на интересах их народов, поручать должности лицам, обладающим необходимыми качествами для того, чтобы занимать их, и множество других диких и невозможных фантазий, которые никогда еще не зарождались в головах людей здравомыслящих». Отличительная особенность Свифта-утописта состояла в том, что он не верил ни в какие утопии, и тем большую горечь вызывал у него мир, лишавший этой веры.

Общество, подобное обществу гуингнмов, не может существовать, ибо устроить свою жизнь на разумных началах способны разве что лошади, а не люди. Поэтому описание мыслящих лошадей – не переход от сатиры к утопии, но усиление и обострение сатиры. Свифт рисует свой идеал не для того, чтобы убедить в необходимости воплотить его в жизнь – это, с точки зрения писателя, было бы «дикой и невозможной фантазией», а для того, чтобы еще отчетливее показать нелепость и абсурдность окружающей действительности. По сути дела, Гулливер попадает во время своего четвертого путешествия в царство разума, в ослепительном свете которого становится ясна сущность мира, где живут автор и читатели книги – мира одетых еху.

«Сидите тихо, будьте спокойны, не лезьте не в свои дела, сократите круг знакомств и не ждите от человека больше того, на что способно это существо, – с каждым днем вы будете все больше убеждаться, насколько верно мое описание еху, – поучал Свифт своего младшего друга Томаса Шеридана. – Вам надо обращаться с каждым человеком как с негодяем, не говоря ему этого, не бегая от него и не относясь к нему от этого сколько-нибудь хуже. Вот старая истина».

Последняя часть этой рекомендации особенно поразительна. И если между позициями Свифта и его героя есть заметное различие, то оно проявляется как раз здесь. Гулливер не смог вынести открытия, что он принадлежит к числу еху, и единственное, что ему осталось, это провести остаток жизни на конюшне среди «выродившихся гуингнмов». Свифт, сделав это открытие, продолжал жить и бороться. «И при всем том, говорю вам, что я вовсе не испытываю к человечеству ненависти, это *vous autres*² его ненавидит, потому что склонен считать людей животными разумными, и негодует, обманувшись в своих ожиданиях». В конце своих «Путешествий» Гулливер пишет, что ему «было бы гораздо легче примириться со всем родом еху», если бы не его гордость. Избавить человека от гордости, открыть ему глаза на его пороки и заблуждения и было целью книги.

Для второго издания «Путешествий...» Свифт подготовил «Письмо капитана Гулливера к своему родственнику Ричарду Симпсону», содержащее забавное признание: «Уже шесть месяцев, как книга моя служит предостережением, а я не только не вижу, чтобы она положила конец всевозможным злоупотреблениям и порокам, – по крайней мере, на нашем маленьком острове, как я имел основание ожидать, – но и не слыхал, чтобы она произвела хоть одно действие, соответствующее моим намерениям. Я просил вас известить меня письмом, когда прекратятся партийные распри и интриги; судьи станут просвещенными и справедливыми, стряпчие честными, умеренными и приобретут хоть капелючку здравого смысла <...> самки еху украсятся добродетелью, честью, правдивостью и здравым смыслом; будут основательно вычищены и выметены дворцы и министерские приемные; вознаграждены ум, заслуги и знание; все позорящие печатное слово в прозе или в стихах осуждены на то, чтобы питаться только бума-

гой и утолять жажду чернилами. На эти и на тысячу других преобразований я твердо рассчитывал <...> ведь они прямо вытекали из наставлений, преподанных в моей книге. И должно признать, что семь месяцев – достаточный срок, чтобы избавиться от всех пороков и безрассудств, которым подвержены еху, если бы только они имели малейшее расположение к добродетели и мудрости».

Смеясь над наивностью Гулливера, читатели книги едва ли догадывались, что Свифт пародирует в этих строках самого себя. Года за три до того, как она была написана, он сообщал Чарлзу Форду: «Я закончил свои „Путешествия“ и теперь переписываю их начисто. Это превосходная вещь, и она здорово исправит мир»«. В этих словах можно увидеть сарказм. И все же, сколь бы трезво-безиллюзорен ни был взгляд Свифта, он рассчитывал переделать словом человеческую душу. На чем же были основаны эти надежды?

«Главная цель всех моих трудов – раздражать мир, а не развлекать его. <...> Я всегда ненавидел все нации, профессии и разного рода общества; вся моя любовь обращена к отдельным людям: ненавижу, например, породу законников, но люблю адвоката имярек и судью имярек; то же самое относится и к врачам (о собственной профессии говорить не стану), солдатам, англичанам, шотландцам, французам и прочим. Но, прежде всего, я ненавижу и презираю животное, именуемое человеком, хотя от всего сердца люблю Джона, Питера, Томаса и т. д.», – писал он А. Попу. Это жесткое противопоставление человека как частички толпы, клана, группы, племени или фракции и человека как личности многое объясняет в Свифте. Так, например, исследователи нередко поражались контрасту между легкостью, с которой Свифт перешел от побежденных вигов к пришедшим к власти тори, и его неколебимой верностью лидеру тори – Оксфорду, когда тот попал сначала в опалу, а потом и в тюрьму по обвинению в государственной измене. Для Свифта тут не было противоречия. Партийные разногласия не стояли в его глазах человеческих отношений. Он мог оставить проигравшую партию, но не оказавшегося в беде друга. Невысоко ставя человечество, он никогда не забывал о людях, заслуживающих восхищения и любви.

Во время своего третьего путешествия Гулливер получает возможность встретиться с великими мужами древности. Особенно «долгие беседы» заходят у него с Брутом, который сообщает неизвестному англичанину, «что его предок Юний, Сократ, Эпаминонд, Катон Младший, сэр Томас Мор и он сам всегда находятся вместе – секстумвират, к которому вся история человечества не в состоянии прибавить седьмого члена».

Юний и Юлий Бруты, как и Катон, боролись с единовластием цезарей, Эпаминонд сверг господство олигархии, а Сократ пал жертвой единомушной воли демоса. К этому перечню героев античности Свифт добавляет имя лишь одного англичанина – Томаса Мора. Несомненно, что на автора «Путешествия в страну гуингнмгов» оказала свое влияние моровская «Утопия» – описание идеального государства, расположенного, по прямому значению слова «утопия», в несуществующем месте. Однако несравнимо больше, чем литературное творчество, значила для Свифта личность Мора, блестящего мыслителя и удачливого политика, который в решающий момент жизни предпочел умереть на плахе, но не подчиниться деспоту. Характерно, что казнивший Мора Генрих VIII был основателем англиканской церкви, к которой принадлежал Свифт, а сам Мор был канонизирован ненавистным сатирику католицизмом. Тем не менее Свифт назвал

короля «самым адским чудовищем из всех монархов, когда-либо правивших на земле», а философа – «человеком величайшей добродетели, рожденным этим королевством». Личные благородство и низость были в его глазах важнее доктринальных соображений.

Опасаясь экзальтированности, фанатизма, нетерпимости, вспышек общественных страстей, Свифт тем не менее считал сопротивление беззаконию и произволу не только правом, но и долгом человека и нации: «Угнетение делает мудрого бешеным, – писал он, – и, следовательно, если некоторые еще не взбесились, значит им не хватает мудрости. Можно все же пожелать, чтобы угнетение преподавало мудрость дуракам». Свифт имел право произнести эти слова, ибо у него достало мудрости дойти до бешенства, когда на его глазах угнетали целую страну.

Обстоятельства, вызвавшие к жизни «Письма Суконщика», до сих пор служат предметом дискуссий экономистов и историков. Неясно, действительно ли патент, разрешавший Вуду чеканить мелкую медную монету для Ирландии, заключал в себе серьезную угрозу экономике острова, или же Свифт использовал для своего выступления по существу малозначительный повод. Суть дела, однако, как ни странно, от этого не меняется. Кучка высокопоставленных аферистов вершила в Лондоне судьбы Ирландии. И чем зауряднее была в реальности сделка с Вудом, тем унижительней она от этого становилась.

«Логически всякое управление без согласия управляемых есть рабство, однако в действительности одиннадцать хорошо вооруженных людей непременно подчиняет себе одного человека, на котором нет ничего кроме рубашки. Но я кончил. Ибо те, кто применил силу для удушения свободы, зашли так далеко, что их возмущает даже свобода выражать недовольство, хотя никто еще не слышивал, чтобы человеку, подвергнутому пытке, отказано было в праве вопить так громко, как он сочтет нужным».

В этом рассуждении из четвертого письма Суконщика – весь Свифт. Здесь и апелляция к разуму и здравому смыслу, и шокирующе-ясное понимание существующего порядка вещей, к которому ни разум, ни здравый смысл не имеют никакого касательства, и холодная ярость, порожденная невозможностью ни изменить этот порядок вещей, ни примириться с ним. Свифт был, однако, не только голосом кричащей под пыткой страны, он вел себя как трезвый политик, который увидел возможность нанести наглую от безнаказанности силе хотя бы маленькое поражение.

Еще за четыре года до «Писем Суконщика» в «Предложении о всеобщем употреблении ирландской мануфактуры» Свифт призывал население Ирландии бойкотировать английские товары. Теперь он еще с большей энергией настаивал на бойкоте монеты Вуда. По существу, речь шла о кампании гражданского неповиновения, и Свифт с редкой дотошностью и наглядностью убеждал своих соотечественников, что они могут вполне законно не подчиниться беззаконию английских властей. Писатель был вполне искренен. Он действительно не призывал к бунту и в ужасе отшатнулся бы от такого призыва. Но убедить запуганных и доведенных до отчаяния людей в том, что они имеют право отстаивать свои интересы, было едва ли не труднее, чем взбунтовать их.

Отмена патента Вуда сделала Свифта национальным героем Ирландии, но не принесла ему удовлетворения. Он блестяще использовал представившийся ему